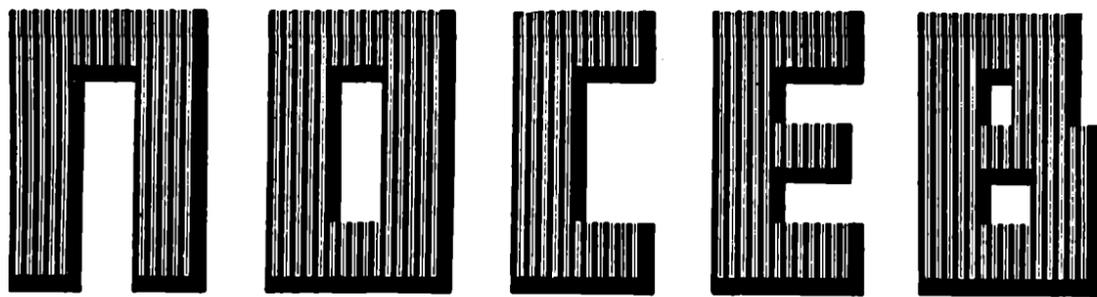

ГОД ИЗДАНИЯ XIII
№ 21 (576)ВОСКРЕСЕНЬЕ
26 МАЯ 1957ГОЛОС РОССИЙСКОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ
ВЫХОДИТ ЗА РУБЕЖОМ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО

Jahrg. 13 · Nr 21 (576)

Russische Wochenzeitung · POSSEV-Die Aussaat · Frankfurt M., Merianstr. 24 a

Sonntag 26. 5. 1957

Отвержение партийного контроля

В ответ на присутствие на пленуме Шепилова и Пospelова — писатели избрали тактику молчания.

Состоявшийся 14—17 мая с. г. пленум правления Союза писателей СССР, по приданному ему партийной печатью (а следовательно, и руководством КПСС) значению, носил характер чрезвычайного съезда — с задачей преодолеть совершенно ясно наметившийся идейный раскол среди писателей, остановить быстро развивающийся процесс выпадения большой группы писателей из-под руководства партии и становления ее на независимые, ясно очерченные антикоммунистические позиции. Вспоминная ожесточенные идейные схватки на недавно происходившем пленуме правления Московского отделения Союза писателей, можно сказать, что крат истории действительно роет хорошо...

«Правда» в номере от 19 мая и «Известия» в номере от 21 мая посвятили пленуму специальные передовые, в которых явно проскальзывает тревога по поводу того, что на пленуме не удалось достигнуть вождя единства писателей на платформе партийности. Силась создать впечатление, что все-таки есть писатели, которые верны партийной линии, «Правда» в том же номере от 19 мая под заголовком «Служение народу — высший долг писателя» напечатала страницу высказываний писателей о своих творческих планах, которая открывается двадцатистрочной заметкой М. Шолохова под характерным названием «Выравнивать шаг с партией, с народом».

На пленуме — беспрецедентный случай в истории такого рода собраний — присутствовали такие «писатели», как секретари ЦК КПСС — ответственные за «идеологический надзор» — Шепилов и Пospelов. По позднейшим формулировкам центральных газет, Шепилов и Пospelов не только присутствовали на пленуме, но и участвовали в его работах. Следовательно дело идет о прямом вмешательстве ЦК КПСС в дискуссии писателей, принявшую угрожающий для власти характер, о попытке террором навести порядок и заставить строптивых писателей принять партийные установки.

В то же время применена и тактика пряника. Сразу же после окончания пленума «коллективное руководство» пригласило писателей, а вместе с ними некоторых художников, скульпторов, композиторов на «правительственную дачу в подмосковной местности». Писателей уезжали Булгаков, Каганович, Маленков, Микоян, Молотов, Первухин, Суслев, Хрущев, Брежнев, Шепилов, Фурцева, Шверник, Аристов, Беляев, Пospelов. Уезжали речами (выступали Хрущев, Шепилов, Микоян), обедом и концертом мастеров искусства...

*

Пленум, созданный с нескрываемой целью — которую изложил в своем вступительном слове Сурков — «активной дискуссии, которая в итоге привела бы нашу литературу не к распаду на противоборствующие группы и течения, а к принципиальной консолидации на основе... стремления быть максимально полезными своему народу и партии в их борьбе за построение коммунизма» — отразил поистине громадное напряжение в писательской организации, большую нервозность партийного руководства по поводу развивающегося своеволия писа-

телей, попытку партийного руководства взять непокорных писателей и лаской и угрозой. Пленум в то же время отразил величайшей, судьбоносной важности для нашей литературы, для дела освобождения народа явление: восставшие писатели остались непреклонны. Так как террор, выраженный присутствием на пленуме Шепилова и Пospelова, лишил этих писателей возможности свободно высказывать свою точку зрения, то писатели, которые за последнее время подвергались ожесточенным нападкам партийной печати за свои произведения и высказывания, применили тактику молчания, игнорирования пленума.

Партийные ортодоксы дружно, по движению мизинца Шепилова, выступавшие на пленуме неистовствовали именно от того, что ни Дудинцев, ни Каверин, ни Яшин, ни Крон, ни Кирсанов, ни Гранин, ни Жданов, ни Кабо, ни Евтушенко, ни Нагибин, ни Берггольц, ни Алигер, ни Казакевич, ни драматурги Мовзон, Школьник, Плуткин не пожелали выступать с покаяниями и красноречиво молчали. Особенно яростную истерическую речь против «молчаливых» произнес Л. Соболев, некогда написавший хрестоматийный роман «Капитальный ремонт», но ныне продавшийся за чечевичную похлебку антинародной власти.

«Мне удивительно, — заявил он, — почему писатели, которые делают этот сборник («Литературная Москва» — Ред.) своим знаменем, которые выражают свои взгляды публикацией в нем рассказов, статей, стихов, — почему эти писатели вот здесь, на пленуме, не защищают свои позиции? В этом есть нечто странное... Ваше молчание опасно. Оно дезориентирует читателей. Что оно значит? Что в нем кроется? Гордое пренебрежение к мнениям других? Презрительная уверенность в своей непогрешимости? Пасфос жертвенности? Что означает это молчание? Извините, мы не понимаем. Не поймет и народ... Вот знаете ли вы то, что мне стало известно вчера и что меня поразило точностью вражеского прицела, гангстерской расчетливостью, какой-то иезуитской дальностью замысла, и что именно и заставило меня выйти на эту трибуну и волноваться более того, что мне разрешено врачами. Знаете ли вы, что в западной прессе к вам, которые сегодня должны бы выступить, но не выступают, обращены ободряющие лицемерные слова, что к вам протягивается «дружеская рука» с ядом, что вам раскрыты объятия, которые — только доверься им! — вас задушат, что на вас уже накинуто лассо, которое далеко утащит вас от вашего народа? Знаете ли вы, что вас призывают к подвигу молчания? (выделено в оригинале. — Ред.)* Подвиг молчания! Какие страшные, отравленные слова! Молчите — вас признают, у вас есть друзья, ваш подвиг молчания оудет оценен истори-

*) Считаем не лишним воспроизвести здесь следующие строки из статьи Е. Романова «Блестятели дум», напечатанной в «Посеве» от 20 января с. г.:

«Шолохов и Леонов, Твардовский и Панова, Каверин и Паустовский и многие, многие другие... мы спросим вас: если не дерзаете на подвиг правды в тяжелые для нашего народа часы, дерзайте на подвиг Молчания». Ред.

ей... Не верю я этому, что вы последуете этому дьявольскому совету, не верю. Не здесь, не с этой трибуны, так в печати вы скажете свое честное слово советского писателя».

Молчали на пленуме не только писатели, прямо обвиненные в крамоле, но и все крупные писатели — может быть выражая этим протест против присутствия на пленуме секретарей ЦК с намордниками в руках, а может быть из-за солидарности со своим братом-писателем. Ни одного слова не произнесли на пленуме (как и на встрече с «коллективным руководством») Леонов, Паустовский, Шолохов, Твардовский, Панова... Не выступил даже и Эренбург. «Партийность литературы» вместе со Скалозубом от культуры Михайловым утверждали такие «литературные имена» как Закруткин, Чаковский, Долматовский, Кочетов, Буков, Зальгин, Антокольский, Чертова, Караваева, Полевой, Сурков, Рыленков...

Выступал также и Федин, защищая честь московской организации писателей, но выступал заикаясь, примирительно. Ряд ортодоксальных ораторов обрушился на него с обвинениями в том, что он «критику старался смягчить ссылкой на общепризнанные заслуги москвичей», в том, что он «занял на пленуме половинчатую позицию защиты того, что происходило в московской организации». Выступал Овечкин и выступал, вероятно, тоже невпопад: «В. Овечкин — констатировала «Литературная газета» — в своем выступлении заявил, что доклад, представленный секретариатом, не вызывает желания спорить, но не высказал своей точки зрения ни по одному из поднятых в нем вопросов. Такая позиция В. Овечкина не встретила одобрения пленума». Выступал Симонов и, хотя по усвоенной им манере каялся (что, кажется, стало уже его профессией), начальству не угодил: «Надо сказать, — желчно замечает «Литературная газета» — что от речи К. Симонова можно было ожидать большего: больше самокритики, так как ошибки и его личные, и «Нового мира» немало поволновали общественность. Между тем в статье, к которой он «отсылает», самокритикой и не пахнет, в ней есть только поучение». Выступала обычно попадающая в «тон» Шагинян, но и ее речь на сей раз не удовлетворила высоких надсмотрщиков из ЦК: «К сожалению — вздохнула с ожесточением «Литературная газета» — речь М. Шагинян содержала... не мало путанных, непроду-

маных утверждений и вызвала справедливую критику участников пленума». Даже откровенный подкалывание Долматовский не угодил: «Нельзя не сказать о том — резюмировала «Литературная газета» — что Е. Долматовскому не удалось глубоко проанализировать положение дел в московской писательской организации, подвергшейся на пленуме справедливой критике. Он не был по-настоящему самокритичен и не сумел вскрыть причины, вызывавшие отрицательные явления в деятельности литераторов столицы».

*

На фактическом материале пленума, дающем большое представление о тревогах партийного руководства в связи с создавшимся положением в литературе, о течениях в литературной среде, мы остановимся в ближайших номерах.

Здесь ограничимся тем, что отметим новый этап в размежевании сил на идейно-литературном фронте сегодняшней России. «Распад на противоборствующие группы», о котором со страхом говорил Сурков при открытии пленума, является фактом. Тот же, обесчестивший свое имя на этом пленуме писатель Л. Соболев поставил точки над и: «Хотят наши товарищи того, или не хотят, они сами навлекают на себя очень тяжелые обвинения в групповых интересах, прикрытых пыльным знаменем «принципиальности» и «творческих убеждений».

«Теперь мы ясно видим — повторила за ним Н. Чертова, — что происходит, а главное знаем, что нам надо делать. И уже делаем, правда, пока еще, с моей точки зрения, с излишней предосторожностью с подкладыванием мягких подушечек уговаривания и увещаний. Если говорить о коммунистах, имена которых здесь назывались, — о Рудном, о Маргарите Алигер и тех, которые стоят за ними, — мне кажется, наступило время прямого и резкого большевистского разговора с ними. Московская писательская организация... раздроблена».

Редактор «Литературной газеты» В. Кочетов увидел признаки группового обособления независимых писателей еще при составлении сборника «Литературная Москва» «Сборник «Литературная Москва» — сообщил он с возмущением — составлен не только самостоятельно, без редакционного аппарата и в основном на дому (подчеркнуто нами. — Ред.), но и с тенденциозной односторонностью».

Вполне можем согласиться с выводом доклада Секретариата правления Союза писателей, представленного третьему пленуму: «В литературе происходят сейчас значительные сдвиги; она переживает один из важнейших переломных этапов за всю историю своего существования». Начался наиважнейший этап битвы за свободу творчества. И есть уже фронт борцов за эту свободу, противостоящий фронту коммунистического подавления».

ВЫПАД ПРОТИВ КОНГРЕССА ЗА ПРАВА И СВОБОДУ В РОССИИ НА ПЛЕНУМЕ ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ

Известный своей собачьей преданностью «генеральной линии» писатель М. Бажан, выступая на последнем пленуме правления Союза писателей 15 мая с. г., сделал выпад против состоявшегося в Гааге 25—27 апреля с. г. Конгресса за права и свободу в России. Бажан назвал Конгресс «так называемым съездом белоэмигрантов, которые клялись в верности американскому империализму».

Бажан начал издали — с констатирования «попыток (внутри СССР. — Ред.) возродить националистические тенден-

ции». Отметив затем, что М. Булгаков в пьесе «Дни Турбиных» «реабilitирует русскую белогвардейщину», М. Бажан далее сказал: «В последнее время, особенно в 1957 году — году юбилейном, очень странно на страницах центральных журналов видеть различные произведения, посвященные русской белой эмиграции, в которых одним миром мазано все и вся. А нужно бы помнить, что недавно как раз проходил так называемый съезд белоэмигрантов, которые клялись в верности американским империалистам».